

Полина ЖЕРЕБЦОВА

Полина Жеребцова родилась в 1985 году в Грозном. Автор чеченских дневников, повестей и романов, которые были переведены на многие языки мира. Публиковалась в журналах «Знамя», «Отечественные записки», «Новый мир», «Волга» и др. Живет в Финляндии.

ЖЕНЩИНА НА ВОЙНЕ

Я хорошо знаю, что такое война. Я жила на Чеченской войне с девяти до двадцати лет. Поэтому советую по возможности женщинам, детям и старикам покидать боевую зону. При зачистках гибнет много людей. Хватают молодых мужчин, пытаются, расстреливают. У нас расстреляли по соседству ингуша, чеченца и русского. Обычных мирных жителей. «Чтобы был интернационал!» – сказали российские военные.

Военные могут надругаться над женщинами. Везло тем девушкам и женщинам, которые были одеты в лохмотья и вымазали свое лицо и кисти рук сажей, мукой или тертым кирпичом, их сторонились, думали, что они больные.

Людей, которые остались в родном краю, ждут суровые испытания.

В 2000 году в Грозном у нас была двухнедельная зачистка. Российские военные сначала решили ударить по нашему подъезду из гранатомета. Просто ради веселья. Чтобы четвертый, третий и второй этажи, которые уже упали друг на друга, соединились с первым. Но этому воспрепятствовали две проститутки, жившие в доме напротив. Одна из них была родом из Дагестана, а другая из чеченского села (последняя очень боялась, что ее найдет дядя и убьет. Отца и родных братьев у нее не было).

Именно проститутка родом из Дагестана (она упомянута в одном из моих документальных рассказов как Зайна) выскочила под обстрелом к российским военным и уговорила их «не соединять» этажи. Через время военные РФ и местные проститутки подружились, они вместе пили домашнее вино и катались на БТРах по округе, мародерствовали, но вначале проституткам досталось: их угрожали расстрелять.

Сразу после того, как Зайна вступилась за нас, военные РФ решили собрать всех выживших с ближайших улиц и запереть в тесном душном подвале. В нашей хрущевке подвала не было. И всех, кого обнаружили, согнали в подвал дома напротив. Стоя наверху и глядя вниз через открытый люк, военные совещались: бросить в нас пару боевых гранат или нет, и даже показывали их нам, опьяненные собственной безнаказанностью. Такое происходило сплошь и рядом. Несколько местных русских семей вместе с редкими чеченскими семьями, которые не успели выехать из столицы в сёла, погибли в районе хлебозавода на остановке «Нефтянка». Погибли женщины и дети, когда их подвал забросали гранатами. Так что иллюзий у нас не возникло.

Кто-то из военных предложил отвезти нас к оврагу. Не очень обнадеживающе прозвучало обещание: «Паспорт вам больше не понадобится!». Так они сказали моей матери.

Из одиннадцати человек (первая партия у обрыва) этнической чеченкой была только одна женщина, все остальные грозненцы были украинцы, белорусы, русские, ингуши, представители многонациональной семьи.

Военные стреляли у нас над головой. Смеялись. Старуха соседка, Настасья (Стася), ползала перед ними на коленях, умоляла пощадить. Нас грозились расстрелять, но потом раздобрились, махнули рукой, сказали, что пошутили и чтобы мы катились к черту и не смели показываться в родных руинах, которые давно заменили нам дома в Ичкерии.

Мне было четырнадцать. И я была ранена. Шестнадцать осколков в ногах.

Быт женщины на войне сложен. Каждая женщина переживает войну по-своему. Я не соглашусь, что женщина на войне – легкая добыча. Женщины сражаются, они изобретательны, хитры, проворны и довольно бесстрашны. Не всегда их сражение ведется в открытом бою, женщины сражаются за свою семью, за своих детей, чтобы выжить.

Женщины в любой ситуации стараются сохранить гармонию. Несмотря на горе вокруг, они молятся, шутят, поют, не отказывают себе в мечтах о мирном времени. Когда я спрашивала девочек-соседок, о чем они мечтают, их ответом было – только о мире, чтобы по дому не стреляли из танков, чтобы отцы и братья остались живы и что еще очень хочется дожить до своего следующего дня рождения.

Некоторые девушки и женщины шли на ускоренные медицинские курсы и становились в войну медсестрами. Они стремились помогать соседям и своим семьям пережить трудные времена. Также женщинам приходилось объяснять детям, что такое война. Дети все видят, чувствуют и понимают, но часто интерпретируют те или иные события по-своему, настолько ужасаясь происходящему, что могут сойти с ума, поэтому на женщине дополнительно лежит ответственность за психологическую помощь ребенку. Не пугайтесь, если дети играют в войну, зачастую именно так они справляются со стрессом: дети играли в войну между Первой и Второй чеченской, были то чеченскими боевиками, то русскими солдатами, то воображали себя шахидами и «шли умирать», громко читая молитву перед боем.

В обязанности женщин входит оберегать мужчин от злоупотребления спиртными напитками и наркотиками, так как стресс сказывается на всех, и даже те, кто никогда не употреблял ничего подобного, могут попытаться сохранить свою психику дурманящими средствами.

Обычные лекарства в войну женщины заменяют бабушкиными рецептами. Профессиональные маски для лица сменяются сметаной и огурцами, разумеется, в том случае, если удастся их раздобыть. Женщины запасаются домашними консервами, делают острые закрутки и варят варенье. В дефиците всё. Поэтому женщины рады любому подарку, будь то заколка или красивые пуговицы. Роды зачастую принимают повитухи на дому, так было в Первую и Вторую чеченские войны. Редко кто под обстрелами добирался до больницы. Во время сильных боев больницы не работали.

В связи с недостатком средств гигиены на войне в ход идет все, что есть под рукой, даже прокладки делаются из старых простыней, одежды и т.д. На бинты тоже идут простыни.

Матери перешивают детям одежду вручную, много трудятся в периоды затишья на рынках, так как в военное время рынок являлся единственным источником заработка. На центральном рынке в Чечне процветал бартер: например, хрустальную салатницу, доставшуюся от прабабушки, вполне можно было обменять на пару картофелин и немного соленой кильки, а несколько стеклянных трехлитровых банок на хлеб.

Были старики и дети, которые просили милостыню вдоль торговых рядов, чтобы купить еды. Милостыню просили и у больницы, на лекарства себе и

родственникам. В это же время местная элита строила для себя коттеджи из яркого рыжего кирпича, а город наводнился дорогими иномарками.

Одеваться женщины старались неброско, незаметно, чтобы не вызвать гнева людей: мол, война, а ты наряжаешься. Ходили в халатах и калошах. Куртки и штаны цвета хаки покупали за валюту у солдат российской армии только боевики. Мирные люди старались держаться от такой «военной одежды» подальше, чтобы избежать пули снайпера.

Летом женщины и подростки собирали по улицам фрукты, выискивали ягоды в заброшенных садах. Матери учили детей различать мины и снаряды, чтобы избежать дополнительной опасности. Перед началом сбора ягод в саду следовало аккуратно раздвинуть высокую траву, проверить, нет ли поблизости противопехотных мин «лягушек» или натянутой проволоки – «растяжки», которые очень опасны. Были случаи, когда людям отрывало ноги.

Мужчины во время войны воюют или бездельничают. Иногда они шабашат, кто-то промышляет мародерством. Все тяготы быта ложатся на плечи женщин. Они выживают, поднимают детей, торгуют, вяжут, шьют, готовят, носят воду под обстрелами. Женщины стараются, чтобы мужчины, которые находятся дома, как можно реже выходили на улицу, чтобы не попасть под «зачистку». Во время зачисток хватают первых попавшихся, обвиняя их во всех смертных грехах.

По два-три часа мы выстаивали под обстрелами в очередях за водой на колодцах или в садах. Среди нас не было молодых мужчин. Иногда к нам подходил какой-нибудь старик, но женщины, что жили по соседству с ним, говорили, что принесут ему ведро воды, и он возвращался домой.

Обычные девушки и женщины в Чечне не общались с падшими – так называли проституток. Их сторонились, презирали. Однако некоторые мужчины пользовались их услугами. Хорошо помню, как в нашем районе Грозного появились одна за другой две женщины, обе разменявшие четвертый десяток, одинокие. Появились они после Первой войны и разместились в квартирах, откуда внезапно исчезли русские семьи. Одна рассказала во дворе, что она родом из Дагестана, вторая (говорила ли она правду, не знаю), что она родом из чеченского селения.

Старик чеченец, живший неподалеку от нас, объяснял наличие таких женщин в Чечне тем, что разные народы с древности селились рядом с чеченцами, некоторые даже выучили язык, узнали обычаи, но чеченцами по духу и по крови так и не стали, оттого, сетовал он, и возникает подобный позор.

Обе женщины прекрасно говорили на чеченском и русском языках. Соседки обычно не отвечали на их приветствия ни словом, ни жестом, нарочито поворачивались к ним спиной, а детей и подростков предупреждали, что эти «мадам» особенные. Проститутки не покрывали голову, как мы, платками или хиджабами, они красили ногти ярким лаком, делали макияж, а Зайна из Дагестана даже носила брюки, что считалось настоящим вызовом всему чеченскому обществу.

В республике тогда началось становление шариата, и в школе, куда мы бегали между торговлей на рынке и обстрелами, дети учили арабский язык, хадисы и Коран. На улицах устраивали казни. Прощтрафившихся били палками. Специальные наряды шариатского патруля ловили любителей выпить, наркоманов и т.д.

Падших женщин в Чечне откровенно презирали: им не полагалось иметь детей (проститутки могли убить, если бы они решили позволить себе обычную жизнь). Их услугами пользовались мужчины в районе, чеченские боевики (защитники Ичкерии), с ними сожительствовали военные российской армии, которые вместе с этими женщинами в войну мародерничали. Затем, при установлении в Чечне российского

порядка, эти женщины обслуживали милицию, куда ловко переметнулись некоторые чеченские боевики.

Кавказ – это место, где живут кланами, родами, и если женщина изгоняется из семьи, если от нее отказывается род, то она может встать на страшный путь – торговли собой, и тогда никто не заступится за нее, а родные будут искать возможность, чтобы убить и смыть с себя страшный позор.

В случае развода женщина лишается возможности быть рядом с детьми. Считается, что женщина пришла в дом мужа без детей и уйти обязана без детей, дети принадлежат не просто своему отцу, а всему роду отца. Поэтому на Кавказе женщины ценят каждую минуту, проведенную рядом с детьми, стараются вложить в них как можно больше знаний и умений. Даже если женщины терпят много горестей в семье, то не ссорятся с родственниками мужа и во всем стараются угождать родне и супругу, чтобы избежать развода. Некоторые соглашаются на положение вторых-третьих жен.

В Ичкерии женщины даже сами обращались к мулле в ближайшую мечеть, чтобы помог найти скромную девушку, привести в дом вторую жену, порадовать мужа. Во время войны были приняты ранние браки с четырнадцати-пятнадцати лет. Некоторые из моих подруг в пятнадцать лет уже стали мамами.

Убийства чести случались и в войну, и между войнами. Девочки очень боялись себя опозорить и во всем подчинялись братьям и отцам. В «Чеченских дневниках» я привожу конкретный пример убийства чести. Это было в 1997 году. Отец убил родную дочь шестнадцати лет. Задушил платком и закопал. Об этом знали все соседи. Девушку изнасиловал водитель маршрутки, и, чтобы спасти честь семьи, родные ее убили. Разумеется, ни правоохранительные органы, ни власть в убийства чести не вмешивались. Если бы отец не поступил так, никто и никогда не женился бы на сестрах этой несчастной, и семья была бы опозорена...

Я, тогда ребенок, интересовалось, что же случилось с водителем маршрутки, но как говорили в районе, его и след простыл.

Мирные жители в войну старались поддерживать друг друга когда едой, когда и советом, защищали друг друга от вооруженных банд. В Чечне под ударом после Первой войны оказались русскоговорящие. Бандиты нападали на них, используя национальную идею, захватывали квартиры, изгоняли, устраивали погромы, убивали.

Порядочные чеченцы и ингуши защищали тех, с кем дружили, с кем вместе учились. Везло, если рядом были такие люди.

Война закаляет человека. Делает его стойким и неуступчивым ко лжи и несправедливости. Наш край очень сложный, многогранный, однако мы любим его таким, какой он есть.